

Танцы с драконом (диалектика хаоса и порядка в культурах Дальнего Востока)

Dancing With the Dragon (chaos and order dialectics in the Far East cultures)

текст
Константин Лидин

text
Konstantin Lidin

Китайский иероглиф «ли» чаще всего переводится словом «небо». Однако истинный философ (жу) читает в этом иероглифе и понятие «принцип, правило, резон», а также «благопристойность, ритуал, порядок».

Порядок в большинстве культур мира почитается небесным даром, благодатью и добрым началом. Напротив, хаос – это зло. Для древнего китайского земледельца воплощением хаоса были наводнения. Крупнейшие реки Китая Хуанхэ и Янцзы текут по глинистым лёссовым равнинам, воды их полны ила, и русла часто оказываются перегорожены наносами. Тогда огромные территории затапливаются тяжелой, грязной водой.

Величайший герой китайской мифологии Юй проводит жизнь в борьбе с наводнениями. Он ездит по всей Поднебесной, руководит строительством дамб и каналов, изобретает машины и орудия для ирригации. Его сражения с хаосом настолько непрерывны, что даже медовый месяц с молодой женой укладывается в шесть дней. Его конечности искривлены ревматизмом, кожа почернела от солнца и ветра, щеки ввалились. Когда в благодарность за заслуги его избрали императором, он продолжил борьбу с демонами хаоса, создавая магические ритуалы и волшебные амулеты, пока не умер внезапно среди своих великих трудов. Принцип «ли» в характере великого императора был настолько силен, что «к тому месту, где находилась могила Юя, постоянно прилетали птицы, чтобы весной с корнем выдергивать сорную траву, а осенью склевывать семена. Еще в одном удивительном предании говорится, что птицы, уничтожившие сорняки около могилы Юя, выстраивались по росту, в их поведении был строгий порядок и прилетали они в определенное время».¹

Символом хаоса считается дракон. Дракон (он же Змей, он же Червь), как и прочие архетипические символы, присутствует в самых разных культурах и во множестве вариантов конкретной трактовки. Египетский змей Апоп и вавилонская Тиамат, хеттский дракон Кумарби и ацтекский пернатый змей Кецалькоатль, древнегреческий Тифон, индустский Вритра и так далее² – все эти драконы и змеи являются чудовищами, с которыми сражается положительный герой. В христианской культуре Змей – воплощение Сатаны, соблазнившего Еву нарушить божественный порядок. Неблагопристойный поступок первой женщины вызвал изгнание людей из рая на землю, в царство хаоса и беззаконий. Да и в других монотеистических религиях Змей (Червь) чаще всего символизирует абсолютное зло, распад, разложение, смерть.

Для западных культур – наследниц Древней Греции и Ветхого Завета – дракон всегда враг. Соответственно, герой-драконоборец представляет собой воплощение абсолютного добра и справедливости, а заодно и всех возможных человеческих достоинств. Герой всегда добр, честен, благороден и милосерден. Он убивает дракона не потому, что любит насилие, а по необходимости: зло должно быть уничтожено – и все тут. В одном из апокрифов раннего Средневековья рассказывается, что святой Георгий, эфес-

The Chinese hieroglyph «li» is often translated as «sky». However, a genuine philosopher (zhu) sees in this hieroglyph also «principle, rule, reason» and «decency, rite, order».

The order in the majority of cultures is considered a heavenly gift, grace and a good beginning. On the contrary, the chaos is an evil. An ancient Chinese farmer considered water floods to be embodiment of chaos. The biggest rivers in China, Hwang Ho and Yangtze, are running along the clay loessial plains, their waters are full of silt, and their beds often turn out to be dammed by drift. Then the huge territories are flooded by heavy muddy water.

The greatest hero of Chinese mythology Yui spends his life in struggling against water floods. He travels around the Heavenly Empire, heads building dams and channels, contrives machines and tools for irrigation. His struggles against chaos are so persistent that even the honeymoon with his young wife is managed in six days. His limbs are crooked with rheumatism, his skin is black because of the sun and the wind, his cheeks are hollow. When owing to his deserts he was elected the emperor, he continued struggling against the chaos demons, creating magic rites and amulets until he died suddenly surrounded by his great works. The «li» principle in the great emperor's nature was so strong that «the birds kept flying to the place with Yui's grave to pull out the weeds in the spring and pick up the seeds in the autumn. Another wonderful legend says that the birds that did away with the weeds near his grave lined up in size order, their behavior kept to a strict order, and they came at a definite time»¹.

The symbol of chaos is a dragon. The Dragon (Serpent or Worm), like other archetypal symbols, is present in different cultures and many variants of a concrete interpretation. Egyptian serpent Apop and Babylon Tiamat, Hettite dragon Kumarbi and Aztec feathered serpent Kezalkoatl, Ancient Greek Typhon, Hindu Vritra and so on² – all these dragons and serpents are the beasts that a positive hero is to struggle against. In the Christian culture the Serpent is an embodiment of Satan that tempted Eve to disturb the divine order. The first woman's indecent deed caused banishment of people from the paradise to the earth, the land of chaos and lawlessness. In other monotheistic religions the Serpent (Worm) also mostly symbolizes an absolute evil, breakdown, decay and death.

The Dragon is always an enemy for western cultures, the successors of Ancient Greece and Old Testament. Consequently, a hero that struggles against the dragon embodies an absolute good and fairness together with all possible human merits. The hero is always kind, honest, generous and merciful. He kills the Dragon not because he likes violence, but of necessity: the evil must be exterminated and that's that. One of Apocrypha of the early Middle Ages tells us that Saint George, an Ephesian soldier, harnessed a wide Serpent, reined it and brought it to the town, but scared citizens demanded him to kill the tame reptile.

1. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1965 г. – с. 240

2. Мелетинский Е.Н. О литературных архетипах. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994 г. – 136 с.

1. Yuan Ke. Myths of Ancient China. – M.: Nauka, 1965 – p.240
2. Meletinsky E.N. About Literary Archetypes. M.: Russian State Humanitarian University, 1994. – 136 p.

ский солдат, обуздал дикого Змея и привел его в город на поводке, но испуганные жители потребовали убить прирученного гада. Западные культура и цивилизация строят свои отношения с хаосом на пафосе битвы. Прогресс заключается в совершенствовании оружия драконоборцев.

Традиционная китайская культура вообще с большим сомнением относится к идее прогресса. История человечества, согласно принципам «нефритового колеса», движется не по прямой или хотя бы извилистой дороге прогресса, а по кругу. Чрезмерное развитие какого-то свойства (например порядка и справедливости) само собой вызывает к жизни противоположные свойства мирового дао. Существенной особенностью китайских мифических героев – борцов против Хаоса – является их собственная подверженность Хаосу. Борьба против драконов, герои китайских мифов сами зачастую происходят от дракона. Например, «идеальный правитель» Шунь описывается как человек небольшого роста, горбатый, с кожей черного цвета и с двумя зрачками в каждом глазу. Его зачатие от яркой радуги (один из символов дракона) подтверждалось наличием «драконовой метки» на лбу. Изобретатель хлебопашества и траволечения, великий герой и правитель Шэнь-нун также был зачат от дракона, отчего родился с телом змеи, бычьей головой, тигриным носом и кожей зеленого цвета. Величайший из героев Юй имел вид дракона с двумя рогами на голове – и так далее.

Традиционная китайская культура трактует человека, особенно яркого и творческого, как неустойчивое сочетание противоположностей – силы и слабости, порядка и хаоса. Сила творческой личности выявляется в столкновениях с внешним врагом: стихийными бедствиями, чудовищами, агрессорами, невежеством и заблуждениями. Слабость ее – в неспособности противиться собственным незаконным и несправедливым импульсам, своей гордыне, заносчивости, жадности. До тех пор, пока человек погружен в свои повседневные труды, равновесие его качеств смещено к упорядоченной стороне. Достижение богатства, славы и покоя зачастую приводит к парадоксальному результату: хаос в душе человека берет верх – и герой превращается в дракона. Битва с драконом не на жизнь, а на смерть в китайской культуре замещена чем-то вроде ритуального танца человека с драконом: человек не может уничтожить хаос, но иногда способен его перехитрить, обыграть и использовать в своих интересах.

The western culture and civilization builds its relations with chaos on struggle pathos. The progress consists in perfection of the arms to struggle against the Dragon.

The traditional Chinese culture doubts much about the idea of progress. The mankind history, according to the principles of «Jade wheel», does not move along the straight or at least winding road of progress, but it circles. Excessive development of an attribute (for example, of an order or a fairness) calls into being opposite attributes of the world Dao. Chinese mythical heroes – fighters against the Chaos – have a characteristic feature – their own subjection to the Chaos. While struggling against the dragons, the heroes of Chinese myths often descend from a dragon. For example, «an ideal ruler» Shun is described as a man of small height, humpbacked, with a black skin and two pupils in each eye. His conception from a bright rainbow (one of the dragon symbols) was proven by «a dragon mark» on his forehead. An inventor of husbandry and herbal treatment, a great hero and a ruler, Shen-nun was also conceived from a dragon, that is why he was born with a serpent's body, a bull's head, a tiger's nose and a green skin. The greatest hero Yui looked like a dragon with two horns on his head, and so on.

Traditional Chinese culture interprets a human being, especially a bright and creative one, as an unsteady combination of opposites – strength and weakness, order and chaos. A creative personality's strength shows up in collisions with an external enemy: natural disasters, beasts, aggressors and ignorance. His weakness is in inability to stand up against his own illicit and unfair impulses, his arrogance and greediness. While a man is plunged into his everyday work, the balance of his qualities is shifted to an ordered side. Getting wealth, fame and rest leads to a paradoxical result: chaos in the man's soul gains the upper hand and the hero turns into a dragon. The fight against the dragon to the death is replaced in the Chinese culture by a kind of rite dance of a man with a dragon: a man cannot eliminate the chaos, but sometimes he can outwit it and take advantage of it.

Everything foresaid relates not only to Chinese cultural tradition. The theses formulated by Ancient Chinese philosophers spread around all the territory of the region and seized a strong hold on millions of people's minds. Profundity and versatility, clarity of presentation and

Панорамный снимок Эдо (Токио). Так выглядела столица Японии всего полтора столетия назад

Главная улица Пхеньяна в период японской оккупации (1936 год)

Главная улица Сеула в период японской оккупации (1939 год)

3. Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма. – Сервер «Заграница». – http://world.lib.ru/type/index_type_4-1.shtml

Все вышесказанное относится не только к китайской культурной традиции. Сформулированные древнекитайскими философами положения в последующие века распространились по всей территории региона, овладев умами миллионов. Глубина и универсальность, ясность изложения и прикладная ценность книг Лун Юй или Дао Дэ Цзин остаются непревзойденными и сегодня. В результате древнекитайская культура на Дальнем Востоке стала играть примерно такую же роль, как античная – на Западе. Великие философские системы Мо Цзы, Лао Цзы и особенно Кун Цзы (Конфуция), созданные в середине первого тысячелетия до н.э., образуют единый фонд идей и понятий для Китая, Японии, Кореи, Сингапура, Тайваня, Гонконга, Вьетнама. Огромное количество иероглифов китайского происхождения и сегодня входит в японскую и корейскую письменность. Например, в современной Корее доля китайских заимствований в газетном тексте на политические темы может достигать 80%. В разные периоды истории (Хэйань в Японии, Чосон в Корее) китайское влияние становилось особенно заметным, примерно таким, как влияние Византии на Древнюю Русь. Несмотря на конфессиональную и этническую разнородность, образовалась огромная по населению общность со схожими особенностями менталитета и образа жизни. В специальной литературе можно встретить выражение «страны конфуцианской цивилизации»³. Заметим, кстати, что конфуцианство не является религией – это морально-этическое учение, апеллирующее не к страху Божьему, а к интересам процветания семьи, сообщества, государства.

В новейшие времена народы региона испытали еще одно объединяющее влияние: все они стали участниками глобального противостояния супердержав – США и СССР. Сразу по окончании Второй мировой войны Япония попала под активный патронат Америки, а Китай и Монголия – под такую же пристальную опеку сталинского СССР. Сверхдержавы впервые столкнулись в открытую на территории Кореи. Напряжение на полуострове, разделенном на два государства, в течение пяти лет возрастало, пока не взорвалось войной. В течение всего одного (1950-го) года вначале Северная Корея практически полностью захватила южную часть полуострова. Затем экспедиционный корпус американских войск стремительно оттеснил силы Ким Ир Сена на север, а китайская «добровольческая» пехота столь же стремительно выдавила «силы ООН» до нынешних границ между Южной и Северной Кореей. Разрушения и человеческие потери в Корейской войне можно сравнить разве что с ужасами Гражданской войны в России – за одним исключением: корейская война так и не была официально окончена, обе корейские державы до сих пор находятся в состоянии «тлеющего конфликта».

Противоборство коммунизма с антикоммунизмом продолжилось в регионе и после смерти Сталина, хотя и менее кровавыми средствами. Идеологическая борьба переместилась в плоскость материальной культуры, соперничества экономических систем и духовных ценностей. При этом создается впечатление, что сам факт нахождения на «линии фронта» глобального противостояния гораздо важнее для региона, чем принадлежность той или иной страны к тому или иному лагерю. Несмотря на демонстративные заявления по поводу идеологической непримиримости, страны «конфуцианской цивилизации» движутся по весьма схожим путям развития, на которых политическая и экономическая поддержка «соратников по борьбе» играет существенную роль. При этом не так важно, является ли таким соратником коммунистический СССР или антикоммунистические США, – важны масштабы и формы помощи.

В шестидесятых годах прошлого века, когда Япония совершила стремительный рывок в своем развитии, мно-

applicable value of the books by Lun Yui or Dao De Tzin remain unsurpassed. As a result the ancient Chinese culture in the Far East started playing the same role as an antique one in the West. The great philosophic systems Mo Tzu, Lao Tzu and especially K'ung-fu-tzu (Confucius) created in the middle of the first century A.C. form a common fund of ideas and concepts for China, Japan, Korea, Singapore, Taiwan, Hong Kong, Vietnam. A great number of hieroglyphs of Chinese origin keep on entering Japanese and Korean written language. For example, in present-day Korea the share of Chinese borrowings in a newspaper text on politics amounts to 80%. In different historical periods (Heian in Japan, Choson in Korea) Chinese influence became especially evident, almost as Byzantium influenced Old Russia. A huge community with similar mentality features and way of life appeared despite confessional and ethnic heterogeneousness. In special books there is an expression: «countries of Confucius civilization».³ It should be noted as well that Confucianism is not a religion – it is a moral-ethic doctrine that appeals not to the fear of God but to the concern of prosperity for family, community and state.

Recently peoples of the region experienced one more unifying influence. They became participants of a global confrontation of two superpowers – the USA and the USSR. After the end of the World War II Japan got under active auspices of America, and China and Mongolia – under steadfast surveillance of Stalin's USSR. The first open collision between the superpowers was in Korea. The tension on the peninsula divided into two states had been rising for five years until it exploded into a war. Within only one year (1950) first North Korea captured the southern part of the peninsula almost completely. Then American expeditionary corps forced Kim Ir Sen's forces back to the north. Then Chinese «voluntary» infantry dislodged «UNO forces» to the present boundaries between South and North Korea. Destructions and casualties in the Korean War can be compared to the horrors of the Civil War in Russia, with one exception: the Korean War was not officially finished, both Korean powers are still in the «smoldering conflict».

After Stalin's death the struggle between communism and anticommunism did not stop in the region, its means became less bloody though. Idealistic struggle shifted to the sphere of material culture, economical systems competitiveness and cultural wealth. It gives an impression that the fact of global confrontation on the «front line» is more important for the region than this or that country's belonging to this or that camp. Despite their demonstrative announcements about ideological incompatibility, the countries of «Confucius civilization» develop on quite similar ways, where political and economical support provided by «companions-in-arms» plays a vital part. At the same time it is not very important whether this companion is the communist USSR or the anticommunist USA. The scale and forms of power are more significant.

In the 60-s of the last century, when Japan had a great onrush, it seemed to many people that the reason of this economical wonder was americanization, democratization and demilitarization. Later, however, South Korea's economy had similar upsurge: within thirty years (1965-1995) its GNP per capita had grown one hundred times, and the volume of exports – five hundred times. In the economic boom period American type of democracy was not observed there: military dictators and generals ruled South Korea. Korea's economic take-off started when in 1965 a federal five-year plan (!) was adopted and continued under constant active government

3. Lankov A. Two Sources and Two Components of Korean Nationalism. – Server «Zagranitza». – http://world.lib.ru/type/index_type_4-1.shtml

гим стало казаться, что причиной экономического чуда является американизация, демократизация и демилитаризация. Однако немногим позже аналогичный взлет совершила экономика Южной Кореи, где за тридцать лет (с 1965 по 1995 гг.) ВВП на душу населения вырос в сто раз, а объем экспорта – в пятьсот раз. В период экономического бума отнюдь не наблюдалось демократии американского образца: Южной Кореей в этот период управляли военные диктаторы, генералы. Экономический взлет Кореи начался с принятия в 1965 году правительственного пятилетнего плана (!) и развивался при постоянном и активном вмешательстве государства во все ключевые отрасли (что в США было бы расценено как «ползучий социализм»).

В девяностых годах XX века рост экономики Японии замедлился, и стали появляться признаки стагнации. После валютного кризиса 1997 года аналогичное замедление испытала и экономика Кореи. Сейчас по тому же сценарию происходит «китайское экономическое чудо». Несмотря на идеологические различия, схема «чудес» удивительно похожа: сравнительная бедность природных ресурсов заставляет экономику опираться на человеческий потенциал. «Азиатская нефть» – многомиллионное население сельских районов: трудолюбивое, аскетически неприхотливое, впитавшее на самых глубоких уровнях конфуцианские принципы подчинения личности обществу. Движитель экономических чудес – крестьянин, переехавший в город, получивший в руки современную технологию с высочайшим уровнем производительности труда, и счастливый оттого, что каждый день может досыта покушать. «Разность потенциалов» между аскетической традиционной культурой и консюмеристическим образом жизни составляет источник социальной энергетики «больших драконов». Когда же процент городского населения достигает уровня развитых стран (70-80%), экономический взлет сменяется стабильным богатым существованием с явными признаками декаданса и стагнации.

Ориентированная на экспорт, высокотехнологичная, опирающаяся на человеческий потенциал – такие характеристики вполне справедливы по отношению к экономикам Японии и Южной Кореи, Сингапура и Китая. Получив от Запада передовые технологии – наработки в области борьбы с хаосом, дальневосточные державы смогли заметно усовершенствовать свои «игры с драконом». Но, разумеется, победить его даже и не пытались. Дракон нашел себе обличье, уравнивающее глобалистические тенденции, – обличье национализма.

По мере того как противоборства супердержав уходят в прошлое, становятся все заметнее традиционные противоречия, которые веками копились между странами региона. С точки зрения европейца (в том числе – россиянина) японцы, корейцы, китайцы, монголы выглядят похожими, почти родственными членами единой «семьи народов». И в этом «семейном кругу» трудно переоценить глубину и остроту взаимных претензий, недоверия и обид, многим из которых – сотни и тысячи лет.

Причины необычайной исторической злопамятности лежат в мироощущении конфуцианской цивилизации. Народы, двести поколений подряд вдохнувшие идеи реинкарнации, неизбежно относятся к истории иначе, чем «однова живущие» европейцы. Глубочайшее убеждение в том, что каждый человек рождался и умирал уже множество раз и будет посещать эту землю еще и еще, выглядит для конфуцианца совершенно естественным. Несколько лет назад один мой знакомый монгол с большим трудом и хлопотами вывозил из Иркутска детскую коляску для ребенка своей очень дальней знакомой. На вопрос, ради чего он так старается для чужого человека, Отгон Байяр

intervention in all key fields (in the USA it would have been regarded as «creeping socialism»).

In the nineties of the XXth century Japan's economic growth shifted into low gear and signs of stagnation appeared. After the monetary crisis of 1997 Korea's economy experienced similar slowdown. Now «Chinese economic wonder» is following the same scenario. Despite all the ideological differences the «wonder» scheme is surprisingly similar: comparative poorness of natural resources makes the economy rely on human potential. «Asian oil» is numerous rural people: they are hardworking and austere unpretentious; they have taken in Confucian principles of personality subordinated to society. The driver of economic wonders is a peasant that has moved to the city, got modern technology with high level of labor productivity and become happy that every day he can eat substantially. «Potential drop» between austere traditional culture and consuming way of life forms the source of social energy of «big dragons». When the percentage of urban population reaches the level of developed countries (70-80%), economic take-off is replaced by stable rich living with evident signs of decadence and stagnation.

Export oriented, high-tech, relying on human potential – these are the attributes true for economies of Japan and South Korea, Singapore and China. Having got high technologies from the West, that is pieces of experience in struggling against the chaos, Far East powers were able to considerably perfect their playing with the dragon. Of course they did not even try to win it. The dragon has obtained a new guise balancing globalization trends – a guise of nationalism.

As confrontation of superpowers becomes a thing of the past, traditional oppositions generated between the countries of the region for ages become more and more evident. From the point of view of a European (including a Russian) the Japanese, the Koreans, the Chinese, the Mongolians look like similar, almost kindred members of a united «family of nations». In this «family circle» it is hard to overestimate the intensity and acuity of mutual claims, distrust and offence, which are hundreds and thousands years old.

The reasons of exceptional historical rancor are in world perception of Confucian civilization. Peoples that have been taking in reincarnation ideas for two hundred generations certainly have an attitude different from the one of Europeans, «living only once». Fundamental conviction that every human being has already been born and died many times and will come to this earth more and more times is natural to Confucians. Some years ago a Mongolian whom I know troubled much to take from Irkutsk a perambulator for a distant acquaintance of his. When asked why he took so much trouble for the sake of a stranger, Otgon Bayar answered seriously that a newborn girl had been his father in her previous life. That is why he as a son must do his duty and provide his father with a high-quality import perambulator. Of course such a man is able to perceive events happened many centuries ago as his own important vital problems requiring full-scale reaction.

The nature of offences has both similar and different features. Japan mainly accuses its neighbors of territorial unfairness. For example, they have pretensions to the group of Tokto islands (they belong to South Korea) or gas deposits on the continental platform in the East China Sea. Operation of these deposits is still blocked by Japan because of the status of the place disputed with China.

Japan has turned into «enemy №1» for the Koreans as a result of 35 years of colonial occupancy (1910-1946). The Koreans hate that period so much that almost all

4. Ким Хэнь. Социальное и политическое сознание в зеркале опросов // Сеульский вестник. – 05.2005 г.

5. Селищев А., Селищев Н. Экономика Китая в XXI веке. – СПб.: Питер. – 2006 г.

вполне серьезно ответил, что новорожденная девочка в прошлой жизни была его отцом. Поэтому сыновний долг велит обеспечить папу качественной импортной коляской. Разумеется, такой человек способен воспринимать события многовековой давности как свои личные проблемы, актуальные и жгучие, требующие развернутой реакции.

Характер обид, которые предъявляются друг другу, имеет и сходные, и различные черты. Япония главным образом обвиняет соседей в территориальных несправедливостях. Например, заявляются притязания на группы островов Токто (принадлежат Южной Корее) или газовые месторождения на шельфе Восточно-Китайского моря. Эксплуатация этих месторождений до сих пор блокируется японской стороной из-за спорности статуса данной точки моря, по поводу которой никак не удается договориться с китайской стороной.

Для корейцев Япония превратилась во «врага №1» в результате тридцатипятилетнего периода колониальной оккупации (1910-1946 гг.). Ненависть корейцев к этому периоду настолько сильна, что ее жертвой пали почти все архитектурные объекты, построенные японскими властями. Самой заметной потерей стало здание Национального музея в Сеуле. Построенное в 1916-1921 годы, здание предназначалось для канцелярии Генерал-губернаторства японского колониального правительства, и на протяжении тридцати лет оно оставалось самым крупным строением в Сеуле. В 1946 году именно здесь была провозглашена независимая Республика Корея. В 1984 году его передали Национальному музею. Однако в 1993 году здание было снесено, так как его облик и история слишком сильно напоминали о периоде японской оккупации. Решающим аргументом сторонников сноса стало утверждение, что японцы нарочно построили здание так, чтобы нарушить благоприятные потоки геомантической жизненной энергии в структуре города.

Национализм сегодняшнего дня находит выражение в дискриминации иноплеменного населения: и Японии, и Китая, и Корея – мононациональные государства (процент основной национальности 96-99%). Крайне немногочисленные диаспоры во всех трех странах подвергаются постоянному «выдавливанию» и уменьшаются с заметной скоростью. Так, за последние 40 лет численность китайской общины в Корее за счет эмиграции сократилась в пять раз – со 100 до 20 тысяч человек. Надо ли говорить, что давление на «своих» воспринимается каждой страной как достойный повод для неприязни и давления на «чужих». Результатом становятся всеобщая неприязнь и недоверие. Большинство молодых корейцев на вопрос «дружественных государствах» дали ответ, который мог бы порадовать любого националиста – «у Кореи нет дружественных государств» (такой ответ выбрали 45,8% двадцатилетних).⁴

Некоторые претензии к соседям имеют весьма почтенный возраст. Каждая из стран региона находит в истории такой период, когда именно она выступала носителем передовой культуры. Китай охотно вспоминает древнейшие эпохи хань, мин и тан. В эти периоды уровень жизни, технологическое и культурное развитие Поднебесной империи были, по-видимому, самыми высокими на планете.⁵ Корейцы апеллируют к эпохе Когуре, когда протокорейские (по другим сведениям – протояпонские) народы владели территорией нынешней Маньчжурии, Южной Сибири (государство Бохай) и активно колонизировали японские острова. Монголы указывают на роль Чингис-хана и его потомков в создании единой государственной структуры, сравнимой с Римской империей. Японцы

architectural objects built by Japanese government suffered from it. The most conspicuous loss was the building of the National Museum in Seoul. Built in 1916-1921 it used to belong to the Chancellory of the Governor-general of the Japanese colonial government. For 30 years it had remained the biggest building in Seoul. In 1946 it was the place where the independent Republic of Korea was declared. In 1984 the building was passed to the National Museum. In 1993 it was demolished, because its view and history resembled the nature of Japanese occupation too much. The adherent of demolition had a decisive argument that the Japanese built it on purpose to destroy favorable streams of geomantic life energy in the city structure.

Today's nationalism is expressed in discrimination of aliens: Japan, China and Korea are singlenational states (96-99% is the main nation). Not numerous expat communities in all the three countries are constantly being «forced out» and decreasing very quickly. Within recent 40 years the number of Chinese community in Korea decreased 5 times due to immigration, from 100 to 20 thousand people. It is obvious that any pressure on «our people» is perceived by each country as a good cause for hostility and pressure on «the aliens». It results in overall dislike and distrust. When asked about «friendly powers» the majority of young Koreans answered «Korea does not have friendly powers» (45,8% of 20 year old Koreans chose the answer that would please any nationalist).⁴

Some of claims to the neighbors are pretty old. Each country of the region had a period in its history when it was a bearer of the leading culture. China remembers with pleasure the ancient epoques Han, Min and Tan. In those periods the living standard, technological and cultural development of the Heavenly Empire were evidently the highest on the globe.⁵ The Koreans appeal to the Kogure epoqe, when Protokorean (in other reference – Protojapan) peoples possessed the territory of the present Manchuria, South Siberia (Bohai state) and colonized Japanese islands. The Mongolians refer to Genghis Khan and his descendants, who created a state structure that can be compared to Rome empire. The Japanese are proud of their role as a technological leader of the recent decades. All these references to history give grounds to every nation to consider itself a good enlightener for thankless neighbors.

Nationalistic aversion grows also regarding the main ideological leader and benefactor, the USA. It seems to be a paradox, taking into account the degree of American style of life, especially in Japan and Korea. «Most of the Koreans consider the words «modern» and «western» to be synonyms, often having in mind that «western» means «American». The Koreans usually do not realize that many customs and habits that they consider typical of the whole West are specifically American phenomena. The post 1945 period became the time of headlong americanization of all the aspects of Korean life. The American material culture influenced much the contemporary Korean architecture, transport and trade organization, clothes and hairdos, courtesy, food, hygienic habits, mass culture and entertainments.

American influence penetrated into colloquial language, and no wonder when introducing his wife a young Korean says: «Na-yi (Korean «my») baiphy (wrenched English «wife»)). The addresses «Miss», «Mister» and «Missis» are in general use. Latin (or as Korean say «English») writing is widespread, and almost the majority of popular magazines for unpretentious mass have English names. Since Korean phonetics differs considerably from the English one

4. Kim Hen. Social and Political Awareness in the Mirror of Surveys // Seoul Vestnik. – 05.2005

5. Selischev A., Selischev N. Economy in China in XXI century. – SPB.: Peter. – 2006

свысока напоминают о своей роли технологического лидера последних десятилетий. Все эти экскурсы в историю дают основания каждому народу считать себя просветителем неблагодарных соседей.

Националистическое отторжение растет и по поводу главного идеологического лидера и «благодетеля» – США. Явление, казалось бы, парадоксальное, учитывая степень американизации образа жизни, особенно в Японии и Южной Корее. «Для подавляющего большинства корейцев слова «современное» и «западное» являются синонимами, а под «западным» в большинстве случаев имеется в виду именно «американское». Корейцы зачастую не отдают себе отчета в том, что многие обычаи и привычки, которые, по их мнению, характерны для всего Запада, на деле представляют собой специфически американское явление. Период после 1945 г. стал временем стремительной американизации всех сторон жизни Кореи. Особо заметное влияние американская материальная культура оказала на современную корейскую архитектуру, организацию транспорта и торговли, одежду и прически, многие правила вежливости, питание, гигиенические привычки и, конечно, массовую культуру и развлечения.

Американское влияние проникло в разговорный язык, и ни для кого, например, не удивительно, когда молодой кореец, представляя свою жену, говорит о ней: «На-ый (кор. «моя») байпхы (искаженное англ. wife)», а уж обращения «мисс», «мистер» и «миссис» являются общеупотребительными. Широко используется латинская («английская», как ее называют в Корее) графика, и многие, если не большинство, популярных журналов, рассчитанных на непритязательную массовую аудиторию, имеют английские названия. Поскольку корейская фонетика существенно отличается от английской (нет звуков, соответствующих английским f, th, w, v, нет четкого различия r и l, нет противопоставления звонких и глухих согласных, зато есть отсутствующее в английском противопоставление придыхательных и непрдыхательных и т.д.), то распознать то или иное английское слово в корейском написании обычно довольно сложно. Требуется немалое воображение, чтобы понять, например, что «робы син» – это любовная сцена (в кино; от англ. love scene), а «кхэрио умон» – женщина, делающая карьеру (от англ. career woman)». ⁶

При этом опрос, проведенный агентством Research & Research, показал, что 18,5% молодых корейцев считают США главной угрозой безопасности Кореи. ⁷

Дипломатичные японцы избегают прямой критики в адрес США, но общее недовольство своей второстепенной ролью ощутимо просачивается в некоторых публикациях. Макико Танака – бывший министр иностранных дел Японии – пишет: «Не вызывает сомнений тот факт, что большинство японцев решительно поддерживают альянс США – Япония... Но правительство Японии также должно прекратить уклоняться от диалога с народом страны: оно должно приветствовать и поощрять дебаты, касающиеся оборонной позиции Японии, не боясь, что дружба между США и Японией такая хрупкая, что может быть этим разрушена» ⁸.

Топ-менеджер компании «Сони» Акио Морита так характеризует засилье адвокатов в деловой жизни США: «...в этой атмосфере сутяжничества, созданной в США, по-видимому, никто никому не доверяет». И в следующем абзаце своей книги высказывается более прямо: «Американские компании используют законы, чтобы чинить препятствия и практически блокировать японский импорт» ⁹.

Надо ли говорить о той тревоге, которую вызывает в США растущее экономическое могущество Китая в сочетании с официально провозглашаемыми идеями национа-

(there are no sounds corresponding to f, th, w, v, there is no distinct difference between r and l, there is no opposition between voiced and voiceless consonants, but there is opposition between aspirated and unaspirated sounds, which is not present in English), it is usually very difficult to identify an English word in Korean spelling. One needs a big imagination to understand that «robby sin» is love scene, and «kherio umon» is career woman). ⁶

At the same time an opinion poll by Research & Research has revealed that 18.5% of young Koreans consider the USA the main security threat to Korea. ⁷

Diplomatic Japanese avoid direct criticism against the USA, but common displeasure with its secondary role is noticeable in some publications. Makiko Tanaka, Ex-minister for Foreign affairs says: «Undoubtedly, most Japanese strongly support the US-Japan alliance. While unequivocally commending America's tough stance in pressuring Iraq, Japan should not hesitate to deliver a clear message to the US: exercise patience to avoid war. But Japan's government also must stop prevaricating with the Japanese people: it should welcome and encourage debate about Japan's defense posture, without fearing that the US-Japan friendship is so fragile that it will be destroyed». ⁸

The top manager of the «Sony» Company Akio Morita defines domination of lawyers in business life of the USA: «...in this atmosphere of chicanery existing in the USA apparently nobody trusts each other». In the next paragraph of the book the author states more directly: «American companies use laws to put obstacles and practically to block Japanese import» ⁹.

No need to say about the USA's anxiety caused by China's growing economical power together with officially declared ideas of nationalism. A big expert in «Chinese question», the Dean of the Californian University Orvell Shell says about China's heavy investments to the USA: «It is difficult to judge what upsets Americans most of all: symbolic meaning of such deals, anxiety about national security or gradual understanding of the fact that the USA's economical superiority recently taken as a matter of course is now challenged. Whatever the matter is, Chinese people know Americans' feelings well: indignation mixed with weakness». ¹⁰

Chaos emotions – fear, anger and contempt are alive and not conquered. As the order in technological and social spheres grows, the chaos in emotional and psychological sense grows too. Nationalists state that globalization is a world order, when the whole humankind is subordinated to common market laws worked out in the interests of the West. ¹¹ Nationalistic chaos should be opposed to «the new global order». Oriental dancing with the dragon gains more technical equipment, strength and scope.

Intermediate position of Russia is historically and geographically predetermined. Siberia for the West is the East, or Asia. Siberia for the countries of Confucian civilization is the West, or the Europe's forward position at the boundaries of Mongolia and China. However, only the eagle on the Russian coat of arms can look into two directions – he has two heads, unlike most Russians. Uncapable of choosing the better way to deal with chaos, we consider both eastern and western ways to be strange to us.

Russia, especially Siberia, has no cultural traditions of a personality subordinated to society – the teacher Kun created not for us. That is why Russian nationalism often takes ugly forms and instead of integration of the society leads to «the power of scoundrels», creates an atmosphere of common suspicion, denunciation and hypocrisy. ¹² In

6. Ланьков А. Корея: будни и праздники. Ч.1. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 2004 г.

7. Гуенков В. Япония сменила США в качестве главной угрозы безопасности Кореи // Сеульский вестник. – май 2005 г.

8. Макико Танака. Япония должна прекратить свое молчание // Project Syndicate / <http://www.project-syndicate.org/commentary/tanaka1/Russian>

9. Акио Морита. Сделано в Японии. История фирмы «Сони» /Пер. с англ – М.: Прогресс-Универс, 1993 г.

6. Lankov A. Korea: Weekdays and Holidays. P.1. – SPB.: Peterburgskoye Vostokovedenie. – 2004

7. Guenkov V. Japan Has Replaced the USA as the Main Security Threat to Korea // Seoulsky Vestnik. – May 2005

8. Makiko Tanaka. Japan Must End its Silence // Project Syndicate / <http://www.project-syndicate.org/commentary/tanaka1/English>

9. Akio Morita. Made in Japan. History of the «Sony» Company /Tr. from English – М.: Progress-Univers, 1993

10. Шелл Орвилл. Скупка Америки в китайском стиле // Project Syndicate, 2005 г.
 11. Фан Нин. Три крупнейших течения общественной мысли, имеющих влияние в современном Китае. Часть 2 // Экономические стратегии. – № 7. – 2005 г. – С. 08-12
 12. См., например, публицистические тексты И.С. Аксакова, вышедшие в пору националистической «волны» 1860-х годов. Вот характерная цитата: «Открылась возможность слыть и самому воображать себя русским, не будучи русским или будучи им лишь только по имени и по крови; воображать себя патриотом, не расходуясь на это никаким новым трудом мысли и продолжая воспитывать детей своих в Дрездене или Женеве; толковать о государственном единстве и цельности России, посягая на духовную цельность русской народности, на русскую общину и мир и, наконец, признавать себя расквитавшимся со всеми своими обязанностями как русского гражданина, пристроив себя под аристократическое знамя какой-нибудь иноземной политической теории». (Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется на Руси? День. 1865 г. № 52. 18 декабря)

10. Shell Orvill. Buying-up America in the Chinese Style // Project Syndicate, 2005
 11. Fan Nin. Three Biggest Trends of Social Ideas that Make Impact in Modern China. Part 2 // Economical Strategies. – №7. -2005. – P.08-12
 12. See publications by I.S.Aksakov appeared in the time of nationalistic «tide» of the 1860s. There is a quotation in point:

«One has got an opportunity to pass for Russian and to fancy oneself Russian, while not being Russian, or being Russian only in name or in blood; to fancy oneself a patriot, not spending any new work of mind on it and continuing to bring one's children up in Dresden or Geneva; to speak about state unity and integrity of Russia, while infringing on cultural wealth of Russian people, on Russian community and peace; and finally to acknowledge oneself free of all Russian citizen's duties, having settled under an aristocratic banner of a foreign political territory». (Aksakov I.S. Why Is It so Hard to Live in Russia? Den. 1865 №52. December 18)

лизма. Крупный эксперт по «китайскому вопросу» декан Калифорнийского университета Орвелл Шелл пишет по поводу крупных инвестиций Китая в США: «Трудно судить, что расстраивает американцев больше всего – символическое значение таких сделок, обеспокоенность национальной безопасностью или постепенное понимание того, что принимаемому до сих пор как данность экономическому превосходству Америки брошен вызов. В чем бы ни было дело, китайцы хорошо знают о чувствах американцев по этому поводу: негодование, смешанное с бессилием».¹⁰

Эмоции хаоса – страх, гнев и презрение – живы и вовсе не побеждены. По мере нарастания порядка в технологической и социальной сферах нарастает хаос в эмоционально-психологическом смысле. Глобализация – утверждают националисты – это такой всемирный порядок, когда все человечество подчиняется единым рыночным законам, составленным в интересах Запада.¹¹ «Новому глобальному порядку» следует противопоставить националистический хаос. Восточные танцы с драконом становятся технически оснащеннее, набирают силу и размах.

Промежуточное положение России предопределено исторически и географически. Для Запада Сибирь – это Восток, Азия. Для стран конфуцианской цивилизации мы – Запад, аванпост Европы у границ Монголии и Китая. Однако смотреть в две стороны сразу может только орел на российском гербе – у него, в отличие от большинства россиян, две головы. Не в силах выбрать лучший путь отношений с хаосом, мы воспринимаем и восточный, и западный пути как чужие.

В России, а особенно в Сибири, нет культурных традиций подчинения личности обществу – учитель Кун писал не для нас. Поэтому российский национализм обычно принимает формы крайне безобразные и вместо объединения общества приводит к «власти подлецов», создает атмосферу всеобщей подозрительности, доноительства и лицемерия.¹² Вряд ли в сегодняшней нашей действительности может быть оправдан риск развязывания ксенофобических настроений. Драконы страха и ненависти для нас – не партнеры в политических играх, а жуткая угроза последним остаткам разума и жизни. Но и западного поклонения порядку у нас тоже нет, пафос законопослушания нам так же чужд.

Растерянно стоим мы перед драконом, не зная – то ли броситься с ним в битву, то ли почтительно поклониться, приглашая на танец. Уступая инициативу, мы теряем возможность хоть как-то совладать с процессами, размывающими структуру нашей жизни.

Для современника увидеть распад жизненного уклада непросто – обычно для этого требуется историческая перспектива, некоторое расстояние, желательно несколько веков. Однако обещание, что наша смутная эпоха станет понятнее к двадцать третьему веку – утешение слабое. На помощь приходит перспектива не историческая, а пространственная.

Космическая техника сегодня позволяет увидеть любой город Земли с высоты птичьего полета или даже еще выше (с высоты полета дракона?). Рассматривая город с расстояния пяти километров по вертикали, легко различить тот уровень порядка, который выражает его структура. Вот четкая, кристаллическая решетка Манхэттена. Контур острова, рельеф местности, роза ветров – все это проигнорировано. Твердый, абсолютный порядок застройки придает знаменитому району Нью-Йорка неподвижный и минеральный вид. Похожее впечатление производят и многие крупные города Европы.

Гораздо мягче и живее выглядит структура восточных городов. Йокогама, прильнувшая к изгибам морского берега. Пусан, вросший в скальные массивы. Улан-Батор, стоящий лицом к лицу с пустыней. Шанхай, покрывающий равнину сплошной плотной массой.

today's reality the risk of unleashing xenophobic spirits can unlikely pay off. The dragons of fear and hatred for us are not partners in political games, but a sinister threat to the remnants of mind and life. Neither we have western worshipping the order, pathos of abiding the law is also strange to us.

We are at a loss in front of the Dragon, not knowing whether to rush to the struggle against him or to bow low and ask to dance. When yielding our initiative, we lose opportunity to control the processes that wash away the structure of our life.

It is not easy for a contemporary to see collapse of the mode of life – it usually requires historical prospect, some distance – probably several centuries. However, to promise that our troubled epoque will become more comprehensible by the twenty third century gives a poor consolation. It is a spatial prospect that is helpful, but not historical one.

Today space technology allows us to see any town on the Earth with bird's eyes or even higher (with dragon's eyes?). When observing a town from a vertical five kilometers distance, it is easy to recognize the level of order expressed by its structure. This is a clear-cut lattice of Manhattan. The contour of the island, the relief, the wind rose are ignored. A firm and absolute order of development gives the famous district of New York a still and mineral view. Many cities of Europe make similar impression.

The structure of eastern cities looks much more vivid and milder. Yokohama imitating the curves of the shore. Pusan grown into rocks. Ulan Bator facing the desert. Shanghai covering the plain with a compact mass.

The structure of Indian New Delhi is admirable. Its clear-cut road network to divide the city into districts is accurate but at the same time it is complicated enough to conform to peculiarities of the place. Urban planning ideas did not try to win the nature with its irregular curves. As if the city has grown like a living organism here, with its firm skeleton of road marking, muscles of development and soft tissues of recreation areas. Maybe only the central part of Paris makes more harmonious impression with its graceful structure of development and line network formed for centuries.

Moscow obviously demonstrates its monocentric nature of the imperial capital. It is pleasant to see the combination of circular and radial elements in the city structure with its light winding as a hint at historical whim and lively irregularity. But the city's problems are evident too. Road network density in Moscow is much lower than in many other capitals, and development density is higher, the line network is narrow and irregular.

Siberian cities do not look good with dragon's eyes. Neither Novosibirsk nor Krasnoyarsk has a common holistic structure. It seems like several industrial communities grew and finally merged into something united whole but at the same time uncoordinated – and a city appeared.

While people are looking for new foundation for their way of life, chaos devours the structure of Siberian cities, and in this dismal process Irkutsk is one of the leaders. Comparing the today's structure of the city center with a one hundred year old map, one can recognize a network of streets approaching the river like a fan. However, almost no smoothly running utility lines are left here. Irkutsk's «blood vessels» are obstructed with chaotic development, they are too narrow and winding. The city looks suffering from thrombophlebitis. The bridge transfer line runs into a medley of buildings – absolutely not like an accurate fan of «arteries» radiating from Trocadero bridge, for example. Kirov Square pretending to be the city center is not structur-

Остров Манхеттен, на котором в основном располагается город Нью-Йорк. Знаменитая «манхетенская решетка» – прямоугольная сеть улиц – выражает власть человеческого разума над природой / Manhattan, New-York, USA

Нью-Дели, Индия. Построенный в новейшее время город выдержан в едином структурном ансамбле New-Dehly, India

Иркутск, район от старого ангарского моста до сквера им. Кирова. Хорошо заметен «пунктирный» характер большинства улиц – транспортные коммуникации хаотично меняют направление и ширину, упираются в массивы застройки, теряются среди отдельных зданий и «пятен» зелени / Irkutsk, Russia

Центральная часть Иркутска. Всего сто лет назад этот район был четко распланирован и удобен для проезда. Теперь от бывлой сети коммуникаций осталась только одна прямая улица – К. Маркса (Большая). Структура размывается и тонет в хаосе точечной застройки Irkutsk, Russia

13. «Объектами нападения стали главным образом дорогие автомобили (в среднем по 500 еженочно), престижные магазины, кафе, а также несколько полицейских участков и школ – все, что в понимании люмпенизированной молодежи символизирует недоступную им буржуазную сытость, враждебную власть и чужую культуру. Волнения в той или иной степени охватили около половины из 700 мусульманских общин Франции. По прошествии двух недель они стоили жизни одному «титальному» французу. Несколько десятков полицейских получили ранения и травмы. Материальный ущерб составил не менее 16 миллионов евро. В меньшем масштабе, но с той же дерзостью аналогичные акции предприняты в Бельгии, Германии и Дании». (Подопригора Б. Народ Франции: испытание этническим оружием? – Народы России. – 15.11.2005 г.)

Удивительно красива структура индийского Нью-Дели. Четкая сетка дорог, делящая город на районы, правильна, но и достаточно сложна, чтобы вписываться в особенности места. Градостроительная мысль не пыталась победить природу с ее неправильными кривыми. Скорее, похоже на то, что город как живой организм вырос тут – с твердым скелетом дорожной разметки, с мускулатурой застройки и мягкими тканями рекреационных зон. Еще более гармоничное впечатление производит разве что центральная часть Парижа, где изящная структура застройки и коммуникаций складывалась веками.

Москва явно демонстрирует свою моноцентрическую сущность имперской столицы. Сочетание кольцевых и радиальных элементов в структуре города радует глаз своей легкой извилистостью – намек на историческую прихотливость, живую неправильность. Однако и проблемы города очевидны. Даже на глаз заметно, что плотность сети дорог в Москве гораздо ниже, чем во многих других столицах, а плотность застройки выше – коммуникаций меньше, они более узкие и сеть их неравномерна.

Сибирские города с высоты драконова полета выглядят неважно. Единой, целостной структуры не просматривается ни у Новосибирска, ни у Красноярска. Кажется, что несколько рабочих поселков, разрастаясь, в конце концов слились в нечто единое, но в то же время и разрозненное – и получился город.

Пока люди ищут новые основания для образа своей жизни, хаос пожирает структуру сибирских городов, и Иркутск в этом невеселом процессе – один из лидеров. Достаточно сравнить сегодняшнюю структуру центральной части города с картой столетней давности. Еще можно угадать сетку улиц, веером выходящих на реку, но сплошных коммуникационных линий уже почти не осталось. «Кровеносные сосуды» Иркутска забиты хаотичной застройкой, они слишком узкие и нездорово извилистые – похоже, будто город страдает тромбозом. Транспортная линия моста упирается в массив зданий – ничего похожего на четкий веер «артерий», расходящихся, например, от моста Трокадеро. Сквер Кирова, претендующий на роль городского центра, не поддержан структурно и выглядит чужеродной деталью, «всунутой» в сплошную аморфную массу застройки. Да и в целом угадать, где именно располагаются самые важные, самые ценные и интересные фрагменты городской структуры, невозможно – слишком размыта эта самая структура. В очертаниях элементов чересчур много неправильных, как бы изъеденных линий, велик элемент случайности – слишком хаотично.

Не следует думать, что соотношение порядка и хаоса в структуре города мало касается каждого отдельного жителя в его повседневных заботах. Конфуций сказал: «Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности». Взглянув на аэрофотографии Парижа, легко обнаружить границы упорядоченного центра, за которыми расположился дракон хаоса. Четкая и изящная сетка дорог сменяется беспорядочной застройкой пригородов и маленьких городков. Особенно явно прочитывается «черта выдавливания дракона» в направлении на северо-восток от центра Парижа. Именно в этих пригородах год назад полыхнули конфликты на этнической почве, и молодежь афро-арабского происхождения жгла автомобили, громила бутики и стреляла в жандармов.¹³

Наши соседи с Запада пытаются выгнать дракона из своих городов. Наши восточные соседи веками культивируют тонкое искусство игры с хаосом. Возможно, и нам следует набраться храбрости для битвы или хитрости для игр – или мудрости для поисков чего-то третьего. Каков бы ни был наш путь, только бы не стоять на месте.

ally supported and looks like an alien «thrust» into a dense amorphous mass of development. In general it is impossible to recognize the most important, precious and interesting fragments of city structure, because this structure is too fuzzy. The outlines of its elements have too many irregular and distorted lines, they are too fortuitous and chaotic.

One should not think that the proportion of order to chaos in the city structure applies little to every citizen in his everyday life. Confucius said: «Who is never concerned about far troubles, will be certainly awailed by near troubles». Looking at aerophotographies of Paris one can easily see the boundaries of an ordered center, beyond which there is a dragon of chaos. A clear-cut and graceful road network is replaced by disorderly development of suburbs and small towns. «The line of squeezing out the dragon» towards the northeast from the center of Paris is especially clear. A year ago these very suburbs experienced ethnic conflicts, when young Afro-Arabs burned down automobiles, looted boutiques and shot at gendarmes.¹³

Our western neighbors try to drive the dragon out of their cities. Our eastern neighbors have been cultivating subtle skills in playing with chaos for ages. Probably we should muster up our courage to struggle or cunning to play, or maybe wisdom to find a third variant. Whatever the way we choose, we should not stand still.

Париж, район моста Трокадеро и Эйфелевой башни / Paris, France. Со времен Наполеона III и барона Османа столица Франции удивляет выстроенным балансом между геометрической правильностью сети коммуникаций и обилием бережно сохраняемых памятников архитектуры

Улан-Батор, Монголия / Ulaan-Baator, Mongolia. Окружающая город каменная пустыня разъедает его структуру на окраинах, но центральная часть города выглядит вполне геометрично

13. «Mainly expensive automobiles (on average 500 cars per night), boutiques, cafes, several police stations and schools were attacked – everything that symbolizes inaccessible bourgeois prosperity, hostile regime and alien culture. About a half of 700 Moslem communities of France were involved into disorders. After a week they cost a life of one «titled» Frenchman. Dozens of policemen were wounded. Material damage amounted to 16 million euro. Similar actions on a less scale but with the same impudence took place in Belgium, Germany and Denmark». (Podoprigora B. French People: Trial with Ethnic Arms? - Peoples of Russia. – 15.11.2005)